

О ПРОБЛЕМЕ СУЩНОСТНЫХ ХАРАКТЕРИСТИК РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

Н.Н. ВЕЛИКАЯ,
доктор исторических наук, профессор Армавирского
государственного педагогического университета

Проблемы историко-государственного, экономического и культурного единства народов Северного Кавказа и России не теряют своей актуальности. В начальный советский период Российская империя характеризовалась как «колониальная», в последующем стали выявляться ее отличия от классических западноевропейских империй, а в конце XX в. произошел определенный возврат к резким и односторонним подходам, которые были характерны для отечественной историографии 20-30-х гг. Так, по мнению Я.З.Ахмадова (1998 г.), начиная с XVIII в. цели России на Кавказе были сугубо колониальными: «захват земли, сырьевых источников, путей сообщения, уничтожение местного мусульманского населения...» (критику этих и др. подобных высказываний (1, с. 56–58).

И в XXI в. тема эта не закрыта, о чем, например, свидетельствует дискуссия, проведенная на страницах журнала «Известия вузов. Северо-Кавказский регион» в 2004-2005 гг. (2, с. 36–42; 3, с. 43–48; 4, с. 45–51; 5, с. 51–57. Там же см. и подробные библиографические спис-

ки). Анализ приведенных точек зрения позволяет утверждать, что сегодня для многих исследователей очевидно, что Россия не являлась колониальной империей западного типа, где существовали «заморские» колонии (со стороны которых никогда не исходила угроза), ранее не имевшие ни политико-дипломатических, ни экономических, ни культурных связей с метрополией, где сохранялось кастовое господство на военно-административных должностях представителей метрополии. Для последней «заморские» территории представляли интерес лишь как источники сырья и рынки сбыта. Они не включались в состав государства и поэтому на них не распространялись законы метрополии (6, с. 95–96, 256. Там же представлены и взгляды зарубежных авторов на этот счет).

Применительно к России трудно провести разграничение между метрополией и «колониальной» окраиной, настолько все было тесно связано, органично. Поволжье — это метрополия или колония? А Терская и Кубанская области, где проживали десятки раз-

ных народов, в том числе и русские? Или термин «колониальная» окраина применим только для отдельных частей территории России, населенных исключительно коренными народами?

Не вяжется с классическим пониманием колоний положение Прибалтийских и других западных областей. В составе империи такие окраины, как Финляндия и Польша, получили конституции, о чем в «метрополии» могли только мечтать. До конца дореволюционного периода многие окраины имели особенности в управлении. Но это происходило не потому, что российские власти не желали распространения здесь общеимперских законов и порядков, а потому, что местное население к ним или не было готово, или «переросло» их.

Положение «колонизаторов» и «колонируемых» в России было иным, чем в других, создаваемых в тот же период, империях. На западе ограбление колоний и их народов и расцвет метрополий и господствующей нации были взаимобусловленными процессами. В России подобного не наблюдалось. По словам одного из главных критиков империи А.Авторханова, «от внешних завоеваний русский народ небогател, как западные народы от их колониальных грабежей» (2, с.38). В работах Б.Н.Миронова (7, с.12–16) и В.А.Матвеева (8, с.10–11) на этот счет приведены соответствующие статистические материалы, свидетельствующие о том, что наибольшее налоговое бремя ложилось именно на центральные губернии страны. Российские окраины не сыграли своей роли в процессе первоначального накопления капитала и не способствовали быстрому развитию центра. Более того, инкорпорация Кавказа, Средней Азии и

других регионов затруднила процесс экономической и политической модернизации России.

Таким образом, термины «колония», «колониальный» применительно к российской действительности не срабатывают. Здесь можно говорить не о метрополии и колонии, а о центре и периферии (окраине). Нам представляется продуктивной мыслью о типологическом разделении империй на колониальные и континентальные (к последнему типу и следует причислить Россию) (3, с.45).

Отношение правительства к народам окраин не оставалось неизменным (сравним хотя бы правления Александра I и Александра III), но в главном совпадало: многочисленные народы рассматривались как подданные российского государства и должны были подчиняться его законам.

В дореволюционной России, как известно, не существовало гражданского общества, а господствовала сословная парадигма социальных отношений. В соответствии с ней правительство пыталось вписать соответствующие группы населения окраин в существующее социально-правовое поле, где они находили свое место в рядах дворянства, купечества, мещанства, духовенства и др. Там же, где имеющиеся особенности этнических групп невозможно было игнорировать, создавались особые правовые нормы для определенных общностей (ногайцы — кочующие инородцы, казаки — военно-служилое сословие и т.п. с соответствующим набором прав и обязанностей). В пореформенный период делаются заметные шаги по сближению сословий. Но этот процесс так и не был завершён к началу XX века.

Отличались и пути создания Российской и западных колониальных империй. Так, по меткому замечанию Ф.Ф. Нестерова, «Вестминстерский дворец никогда не видел в своих стенах посольства, прибывшего с просьбой о включении своей страны во владения британской короны». Для палат московского Кремля и Зимнего дворца такие сцены были привычным явлением (9, с.19).

При этом никто не замалчивает факты насилия, несправедливости и пр. в отношении народов России (от подавления антиправительственных выступлений до покровительственно-пренебрежительного отношения к туземцам). Антироссийские, антирусские настроения имели место даже там, где, казалось бы, почвы для них не было. В данном случае нужно учитывать национальную ментальность. Присутствие на этнической территории чужих войск, чужой или даже чуждой администрации уязвляло национальную гордость и самосознание. Без этого фактора понять историю освободительных движений в России просто невозможно.

Кроме того, адаптация тех или иных этнических групп Северного Кавказа к «государственным» условиям существования происходила непросто. Появление новых органов власти, введение правовых норм, повинностей, насильственные переселения и др. зачастую вызывали сопротивление, сопровождавшееся ненавистью и ожесточением. Использование силовых методов по включению и удержанию ряда окраин в составе России имело место. Однако силовая составляющая политики никогда не была единственной (10). Там, где обстоятельства позволяли, правительство обходилось без нее, используя

иные меры. Главная цель государства, как нам представляется, заключалась не в ограблении и тем более уничтожении населения окраин, а в сплочении, создании в стране единого (при всем разнообразии) экономического, социального, культурного пространства, что хорошо подтверждается на примере небольшой части обширного Северо-Кавказского региона — Терского левобережья (5, с.53–56).

Здесь, как и на Кавказе в целом, адаптация к экологическим условиям проживания вызвала появление у разных этнических групп определенных хозяйственных ниш. Исторически сложившееся разделение труда делало комплексным все хозяйство региона, являлось одним из важнейших факторов добрососедских отношений. Разделение труда было присуще не только отдельным группам населения, но и российским регионам в целом. Вряд ли правомерно утверждать, что специализация одних районов России на добыче угля и нефти, других на выращивании хлопка и т.п. — признак явного колониализма. В этих же регионах, особенно в пореформенный период, создавались сотни промышленных предприятий, где применялось и перерабатывалось полученное сырье, а в роли предпринимателей выступали представители местных верхов.

Постепенное социально-политическое и экономическое «срастание» окраин с империей отражалось и на духовной сфере, приводило к выработке российской составной части самосознания, признания России своим Отечеством. Эти представления проникали и в другие структурные компоненты самосознания, например, религиозный, тесно взаимодействовали с ним. Изу-

чение духовной составляющей процесса интеграции Северного Кавказа и России позволило поставить вопрос о формировании российского мусульманства («русского мусульманства» по И.Гаспринскому) в регионе, которое отличалось лояльностью к российской государственности, толерантностью к другим конфессиям, большим миротворческим и патриотическим потенциалом (11, с. 31–40; 12).

Развитие городов и связанный с этим рост промышленности, торговли, просвещения меняли мировоззрение и устройство жизни всех народов. Для северокавказских городских поселений были характерны полиэтничность и поликонфессиональность, создание новых форм городской жизни и быта, выделявших их из центрально-русских.

Грандиозные системы коммуникаций, не существовавшие здесь ранее, связали все районы Северного Кавказа между собой и с центром. Это способствовало усилению интеграции, в том числе и среди самих кавказских народов, оказало влияние на приток в регион разноэтничного населения из других регионов страны. В пореформенный период новые виды транспорта и связи не только сокращали расстояния между отдельными районами, но и расстояния в уровне их развития. В цивилизационный актив империи следует отнести появление на южной окраине светского, европейского образования, науки при сохранении местной интеллектуальной жизни, распространение российской системы здравоохранения и др.

По мнению З.Б.Кипкеевой, «метрополия» не готовила «особой судьбы»

для окраин. «Нужно ли обвинять ее в том, что она не обеспечила им более счастливой судьбы, чем себе? Интегрированные в русло политического и экономического развития империи, а затем Советского Союза, национальные окраины России прошли весь путь исторических побед и поражений вместе» (13, с. 38).

Акцент на особенностях создания и развития Российской империи не должен приводить к их абсолютизации, к представлениям о совершенной уникальности процессов, происходивших в Евразии в XVI–XIX вв. В указанный период создавались и другие империи (с огромными перифериями и колониями). Все это проходило в рамках определенных закономерностей, выявленных учеными Армавирского государственного педагогического университета (В.Б. Виноградов, С.Л. Дударев, Е.И. Нарожный) (14, с. 126–139). В основу новой периодизации всемирной истории положена степень консолидации и интеграции народов земного шара. В этой связи выделяется эпоха XVI–XIX вв. как начальный этап объединения народов во всемирном масштабе. На этом этапе нашей стране принадлежала заметная роль. В своих границах Россия объединила более 100 народов, вовлекла их во всемирную историю. Российская культура в лице своих «разноплеменных» представителей сыграла огромную роль в создании общемировых материальных и духовных ценностей.

В XVI–XIX вв. повсеместно происходило стирание «негосударственных пятен» на карте земного шара, включение более слабых государственных образований в более сильные. История действительно становилась мировой. Цент-

рами достаточно прочных объединений выступили Испания, Португалия, Англия, Франция, Австрия... Кавказ попал в поле притяжения Ирана, Турции и России. В чем состояли преимущества последней и как они были реализованы хорошо показано в трудах В.В. Дегоева. Но до сих пор нет ответа на вопрос, почему, в отличие от других империй, Россия так долго сохраняла (а, отчасти, сохраняет и сейчас) старое наследство? Версия об исключительной роли российских штыков не выглядит сколько-нибудь убедительной (15, с. 47).

Попытки рассматривать историю народов Северного Кавказа «сквозь прицел» «Кавказской войны», жесткого противопоставления и противостояния с Россией не могут не вызывать возражений, поскольку нельзя подменять военными столкновениями многогранный процесс социально-экономической, политической, административно-судебной, культурной и иной интеграции региона в состав империи. При этом каждый из народов имел свой

опыт взаимодействия с Российским государством, прошел свой интеграционный путь, и эти особенности нуждаются в выявлении и изучении. В свою очередь и методы взаимодействия российской стороны с этносами Северного Кавказа были многообразны и не оставались неизменными на разных этапах. Они также нуждаются во всестороннем освещении. Взаимодействие и особенно взаимовоздействие названных субъектов приводило к появлению в крае новых правовых и управленческих форм, новых принципов организации экономической жизни и многого другого.

Российский проект обустройства окраинных территорий, в том числе и Северного Кавказа, объективно предусматривал поддержание мира и порядка в регионе, интеграцию во всех областях центра и периферии. В этой связи нельзя не согласиться с мнением М.М. Блиева о том, что Россия — это результат взаимодействия нескольких цивилизаций, плод государственного и общественного творчества многих народов и эпох (16, с. 26).

1. Виноградов Б.В. Российско-северокавказские отношения в конце XVIII — начале XIX в.: интерпретации против фактов // Историческое регионоведение Северного Кавказа — вузу и школе (8-я всероссийская конференция). Армавир, 2003.

2. Матвеев В.А. Северокавказская окраина Российской империи: колония или субъект единого Отечества // Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. 2004. № 3.

3. Щербина А.В. К вопросу о специфике Российской империи и имперского типа государственности (по материалам современных исследований) // Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. 2004. №3.

4. Клычников Ю.Ю. Формирование северокавказской окраины России: равноправное историческое партнерство или проявление имперской политики // Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. 2005. № 2.

5. Великая Н.Н. Старые споры о главном (об особенностях национальной политики Российской империи) // Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. 2005. № 2.

6. Дегоев В.В. Большая игра на Кавказе: история и современность. М., 2003.

7. Миронов Б.Н. Кому на Руси жилось хорошо? // Родина. 2003. № 7.
8. Матвеев В.А. Исторические особенности утверждения геополитических позиций России на Северном Кавказе. Армавир–Ростов-на-Дону, 2002.
9. Дискуссионные аспекты проблемы российско-северокавказской интеграции. Армавир, 2005.
10. Клычников Ю.Ю. Российская политика на Северном Кавказе (1827–1840 гг.). Пятигорск, 2002.
11. Великая Н.Н. Феномен «российского ислама» у караногайцев // «Российскость» в истории Северного Кавказа. Армавир, 2002.
12. Матвеев В.А. Российское мусульманство на Северном Кавказе: исторические аспекты проблемы. Армавир – Ростов-на-Дону, 2004.
13. Кипкеева З.Б. Концепция «российскости» как основа для кавказоведческих исследований // Кавказоведческая школа В.Б.Виноградова: становление, современность, перспективы. Армавир, 2002.
14. Виноградов В.Б., Дударев С.Л., Нарожный Е.И. Основные этапы всемирной истории. Методический материал // Восток. 1995. № 5.
15. Дегоев В.В. Кавказ в составе России: формирование имперской идентичности (первая половина XIX в.) // Кавказский сборник. Т.1 (33). М., 2004.
16. Блиев М.М. Камень Барятинского // Родина. 1995. № 10.